

КАЛНЫНЬ Л. Э., КЛЕПИКОВА Г. П.

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ МНОГОЯЗЫКОВЫХ АТЛАСОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКОГО ДИАЛЕКТНОГО КONTИНУУМА (На материале ОЛА и ОКДА)

1. Лингвогеография как раздел науки о территориально ограниченных вариантах языка более чем за сто лет со времени своего возникновения¹ прошла сложный путь развития. Не ставя перед собой задачу всестороннего анализа этого пути, можем отметить, что одной из характерных его черт является все большее усложнение объекта лингвогеографической интерпретации. Это усложнение касалось как лингвистического объекта картографирования — от отдельного слова к фрагментам системы, так и объекта отражаемых на карте диалектных континуумов.

В лингвогеографии выбор диалектной территории как объекта изучения зависит от общего уровня развития диалектологии. Лингвогеография оперирует теми диалектными различиями, которые установлены при описании и сопоставлении отдельных диалектов. По мере изучения диалектного ландшафта определенных языковых ареалов появляются возможности картографической интерпретации все больших территорий. В этом своеобразно отражается общая логика отношений сегментного и суперсегментного уровней в лингвистических исследованиях. Обычно суперсегментный анализ накладывается на сегментный. Поэтому допустимо считать, что диалектный атлас одного языка как бы «суперсегментен» по отношению к описаниям отдельных диалектов, частных диалектных систем (ЧДС), которые могут рассматриваться как единицы сегментного уровня (линейное членение континуума). Сходные отношения связывают и многоязыковой атлас с предшествующими ему атласами отдельных языков. Атласы отдельных языков достаточно четко определяют информативный уровень многоязыкового атласа. В то же время надо признать, что изучение большого языкового континуума выявляет проблемы, важные для отдельных национальных языков, но не замеченные на стадии составления одноязыковых атласов. Однако на стадии создания многоязыкового атласа эта связь между ним и национальными атласами имеет только односторонний характер. Нам уже приходилось писать о том, как вне поля зрения Общеславянского лингвистического атласа оказались палатальные смычные в севернорусских говорах [2, 3], не предусмотренные в свое время как объект изучения программой Диалектологического атласа русского языка и позже не вошедшие в Вопросник ОЛА. А в данном случае речь могла идти о важной общеславянской фонетической изоглоссе.

Иерархическая связь задач лингвогеографии и уровня диалектологических штудий в рамках отдельных языков отчетливо просматривается

¹ Начало лингвогеографии принято связывать с именем Г. Венкера (G. Wenker), приступившего в 1876 г. к созданию Sprachatlas der Rheinprovinz (см. об этом в [1]).

в славянской диалектологии. Развернувшаяся в 50-е годы XX в. работа по созданию диалектных атласов славянских языков и региональных атласов в пределах отдельных языков логически подвела диалектологов-славистов к решению такой сложной задачи, каковой является лингво-географическая интерпретация континуума, соответствующего целой семье языков или группе неродственных языков. Задачи такого рода реализуются в настоящее время двумя атласами: Общеславянским лингвистическим атласом (ОЛА) и Общекарпатским диалектологическим атласом (ОКДА), над созданием которых работают международные коллективы ученых. Эти атласы интерпретируют различные типы диалектных континуумов. Под континуумом понимается непрерывное пространственное распределение языковых идиом (в данном случае такими идиомами являются говоры населенных пунктов, составляющих сетку атласа, рассматриваемые как ЧДС). Указанное различие типов континуумов заключается в следующем. В ОЛА представлен генетически гомогенный (= славянский) диалектный континуум. В ОКДА континуум является генетически гетерогенным (славянские диалекты противопоставляются неславянским), возникновение которого может быть результатом конвергентных процессов развития совокупности соответствующих диалектов, и как таковой требует специальной мотивации.

ОЛА и ОКДА исследуют славянские диалекты в разном объеме и с разными целями.

ОЛА дает представление о славянском диалектном ландшафте на исторической славянской языковой территории и на территории древней славянской колонизации [4]. ОКДА является первым в лингвогеографии региональным макроатласом², в котором наряду со славянским материалом, составляющим его ядро, на равных основаниях привлечены данные восточнороманских, албанских, венгерских диалектов. Составители ОКДА сосредоточивают внимание на исследовании результатов интерференции диалектов карпатского ареала как особого феномена, дающего основания для изучения самого механизма контактирования и взаимодействия лингвистических идиом и — в известной мере — для реконструкции некоторых этапов развития последних. Специфические особенности народной культуры и языковой общности сделали зону Карпат и сопредельные с нею регионы Балкан предметом изучения в рамках особого раздела историко-филологической науки — карпатистики. Для карпатского ареала характерна общность прежде всего в сфере лексики и семантики. Именно поэтому ОКДА задуман как атлас, дающий пространственную фиксацию лексико-семантических различий в пределах инвентаря единиц, репрезентирующих так называемые «карпатизмы», т. е. факты, характерные для зоны Карпат. Предварительное установление корпуса карпатизмов явилось той исследовательской базой, на основе которой могла быть поставлена задача создания ОКДА.

ОЛА и ОКДА, о структуре и задачах которых написано достаточно много [6, 2, 7—10], находятся в стадии публикации их первых выпусков [11, 10, 12]. Но уже сейчас имеющийся опыт работы с диалектными материалами, собранными по единым программам, дает основание для постановки вопроса, что вносят многоязыковые атласы в представления об особенностях славянского континуума. Остановимся в данной работе

² В данном случае использование термина «региональный макроатлас» связано с тем, что сходная проблематика (но на небольшой территории) исследуется в [5], который по отношению к ОКДА может рассматриваться как «региональный (микро)атлас».

на проблемах фонетики в ОЛА и лексики в ОКДА. Данные языковые уровни как объекты лингвогеографического описания имеют существенные различия. Вопросник любого диалектного атласа исходит из уже известного состава диалектных явлений. Однако для лексики это не исключает возможность получения новых фактов при обследовании диалектов — вопросы «Как называется нечто?» или «Что обозначает это слово?» могут в принципе вызвать ранее не известные ответы. При изучении фонетики в атласе трудно ожидать выявления новых фактов. Это в полной мере относится к ОЛА.

Фонетические диалектные различия в отдельных славянских языках достаточно полно каталогизированы, в частности потому, что фонетика выступает обычно как первая ступень изучения диалектов — благодаря ограниченному составу единиц именно фонетика хорошо поддается всестороннему анализу. Вопросник ОЛА, базируясь на диалектологических знаниях, сложившихся к 60-м годам XX в., тем самым как бы ограничивает возможность учета фактов, выявленных в более позднее время. Эта производность фактической базы ОЛА от результатов, достигнутых в рамках национальных диалектологий, казалось бы, создает ситуацию, когда трудно ожидать, чтобы ОЛА внес что-то новое в имеющиеся знания о славянской фонетике. Такая же ограниченность, хотя и в меньшей степени, на первый взгляд, должна быть присуща и ОКДА. Однако это не так.

Эффективность работы определяется не только решением сформулированных на начальных ее этапах задач, но и, в неменьшей степени, появлением данных, создающих основание для не предполагаемых заранее выводов.

ОЛА ориентирован на несколько запрограммированных результатов. Как и в любом атласе, очевидно эксплицированной является задача установления изоглосс, в данном случае в масштабах всей славянской территории. Это не только картографически зафиксировать отчасти уже имеющиеся представления о пространственной дифференциации славянской языковой общности, но может подтвердить или опровергнуть существующие гипотезы о генезисе разных языковых и диалектных групп. Подобный результат задан самой территорией ОЛА. Другое эксплицированное назначение ОЛА — создание синхронной типологии славянских диалектов [4, с. 32].

Свою программу ожидаемых результатов, но уже на лексическом уровне, имеет и ОКДА. Это — изоглоссирование лексико-семантических явлений, которые предварительно были квалифицированы как карпатизмы и на таком основании включены в Вопросник ОКДА [8, 10]. Предусматривается в масштабах диалектного континуума получение сведений о лексической вариативности в определенных сегментах семантической структуры. Имеется в виду также достаточно полное описание семантической структуры не только карпатских лексем-эксклюзивов, но и лексем, семантические объекты которых лишь частично содержат специфический карпатский элемент (= «семантические карпатизмы»). Наконец, предполагается получение данных о характере членения описанного в Атласе лингвистического пространства.

Но помимо этих, заранее ожидаемых в атласах результатов, можно было полагать, что в ходе работы с материалами картотек ОЛА и ОКДА, уникальными по своему объему и содержанию, выявится нечто заранее непредусматриваемое. Именно так и получилось уже при работе над первыми фонетическими выпусками ОЛА («Рефлексы *ѣ» и «Рефлексы *ѣ») и над тремя первыми выпусками ОКДА («Лексика народного быта»).

2. В ОЛА выявляется несколько иная, чем принято считать, картина фонетической дифференциации славянских диалектов и возможности сопоставления их на фонетическом уровне. Особенность славянского фонетического материала именно в этих аспектах определила самую структуру ОЛА.

Каждый фонетический выпуск ОЛА состоит: 1) из карт, отражающих рефлексию праславянских фонем в конкретных словоформах в том виде, как это представлено в современных диалектах; такие карты показывают синхронную дифференциацию славянского континуума в зависимости от звукового облика отдельных словоформ; 2) из обобщающих карт, где рефлексы праславянских фонем показаны не только как составляющие конкретных словоформ, но и как компоненты систем в их позиционных связях с фонетическим контекстом и с суперсегментными явлениями. Атлас в основном состоит из карт первого типа. Это может показаться шагом назад на фоне современных достижений лингвогеографии. Так, в славянских национальных атласах картографируются уже не просто звуки в отдельных словах, а дается информация о фрагментах фонетической системы; на получение соответствующего материала ориентированы и диалектологические программы [13, 14]. Системная интерпретация дана и диалектным фактам, собранным по программам, в которых системное изучение диалектов не было эксплицировано [15] (ср. некоторые полученные на основании соответствующих материалов карты в [16]). Однако в ОЛА такой принцип не мог быть реализован, так как специфика фонетического различия между славянскими диалектами не позволяет этого сделать. Сказанное означает следующее.

Картографически интерпретирован может быть лишь такой объект, который удовлетворяет условиям сопоставимости. Наряду с чертами, различающимися в диалектах, данный объект должен иметь черты, повторяющиеся во всех диалектах, т. е. иметь основу сравнения. Без такой основы сравнения явления разных диалектов несопоставимы и в рамках диалектного различия могут быть сопоставлены только с нулем (есть явление / нет явления).

В ОЛА общим для всех диалектов является лишь один факт — это реконструированная праформа позднего праславянского периода, содержащая праславянскую фонему, современная замена которой и картографируется. Праславянская форма задана в конкретной морфеме и конкретной позиции: для гласных, например, это — начало слова, позиция перед твердым или палатальным согласным, перед слогом с передним или непредним гласным, слабым или сильным редуцированным, после палатального согласного, под разными видами ударения.

В пределах одного языка, как правило, общий состав позиций как таковых в основном повторяется во всех диалектах и дает основание сравнивать поведение звуков в разных говорах в одинаковых позициях. Именно позиция является основой сравнения в национальном атласе.

Многообразие путей развития каждой праславянской фонемы в славянских диалектах в целом сопровождается такой дробностью позиционных условий употребления конкретных рефлексов и таким принципиальным различием в характере позиции в отдельных диалектах, что выделить основу сравнения на уровне позиции в ОЛА практически оказалось невозможно. С одной стороны, позиция может не повторяться во всех диалектах (например, позиция между мягкими согласными русских диалектов соответствует позиции между твердыми согласными в сербохорватском; позиция в первом предударном слоге отсутствует в чешском

рения — динамическое/различные виды тонового. Можно думать, что варьирование звукового состава односложных корневых слов определяется в основном только фонетическими закономерностями, поскольку возможности морфологической аналогии здесь минимальны.

Неодносложные словоформы различаются еще и местом ударения, а также отношением гласных к безударности. В позиционном поведении гласных может играть роль открытость/закрытость слога, место слога в слове.

Абстрагируясь от качества конкретных звуков, можно констатировать различие между диалектами на уровне фонетической модели одних и тех же словоформ. Такое различие может проявиться в длине словоформы — если это касается гласных, то одна и та же словоформа состоит из разного числа слогов (ср. полногласие/неполногласие, стяженные/нестяженные формы; но различие слоговой плавный/сочетание гласного с плавным не сопровождается сокращением числа слогов). Разным может быть и количество согласных, что является следствием упрощения консонантных сочетаний и специфического развития палатализованных или палатальных согласных (ср. *mos/most*, *'m'aso/'mĕaso*, *v'eč'er/'vĕcur*, *pes'n'/'peš*, *šćić/'kr'is't'it'*, *'šedaš/'prodat'*).

Различие в фонетической модели слова может выразиться в порядке следования гласных и согласных в словоформах одинаковой длины — ср. словен. *par'd:/pre'de*. Расхождение в фонетическом облике одной словоформы может быть так велико, что тождество устанавливается только этимологически, ср. серб.-луж. *sc'el'a*, *soča* и русск. *str'e'l'ajot*, *s'est'ra*.

Картотека ОЛА позволяет провести сопоставление фонетики одинаковых морфем в масштабах, ранее недоступных, — по всей славянской территории. Оказалось трудно найти морфему, фонетический состав которой тождествен во всех диалектах. Это вносит коррективы в представление о большом сходстве славянских языков между собой в с и н х р о н н о м плане. Фонетика не демонстрирует такое сходство. Характерно, что близость славянских языков обычно иллюстрируется примерами в письменной форме, взятыми из литературных языков. Но графическое сходство не всегда имеет и фонетическую параллель. ОЛА оперирует именно фонетикой слова, и это создает реальную картину высокой степени фонетической дифференциации славянских диалектов. Такой важный для характеристики славянских языков вывод можно сделать уже на данном этапе работы над ОЛА.

При работе с фонетическим материалом ОЛА существенным является вопрос: каков уровень понятий, достаточный для определения степени фонетической дифференциации диалектов в ОЛА — фонетическая категория как звуковая реальность или фонематическая единица как абстракция?

ОЛА оперирует двумя хронологическими срезами. Гипотетически реконструируемые праформы позднего праславянского периода состоят из сегментов, которым придано значение фонемы, т. е. говорится о праславянских фонемах **ĕ*, **e*, **o* и т. д. [4, с. 32]. Для записи современной диалектной речи в ОЛА разработана транскрипция, достаточно детально фиксирующая звукоtypы гласных и согласных, — так, гласные различаются по сетке, содержащей 7 ступеней подъема и 11 рядов; довольно подробно дифференцирована и артикуляция согласных [4, с. 61]. Таким образом, праславянские фонемы даются как символы, а современные звуки как конкретная реальность. На карту, посвященную одной слово-

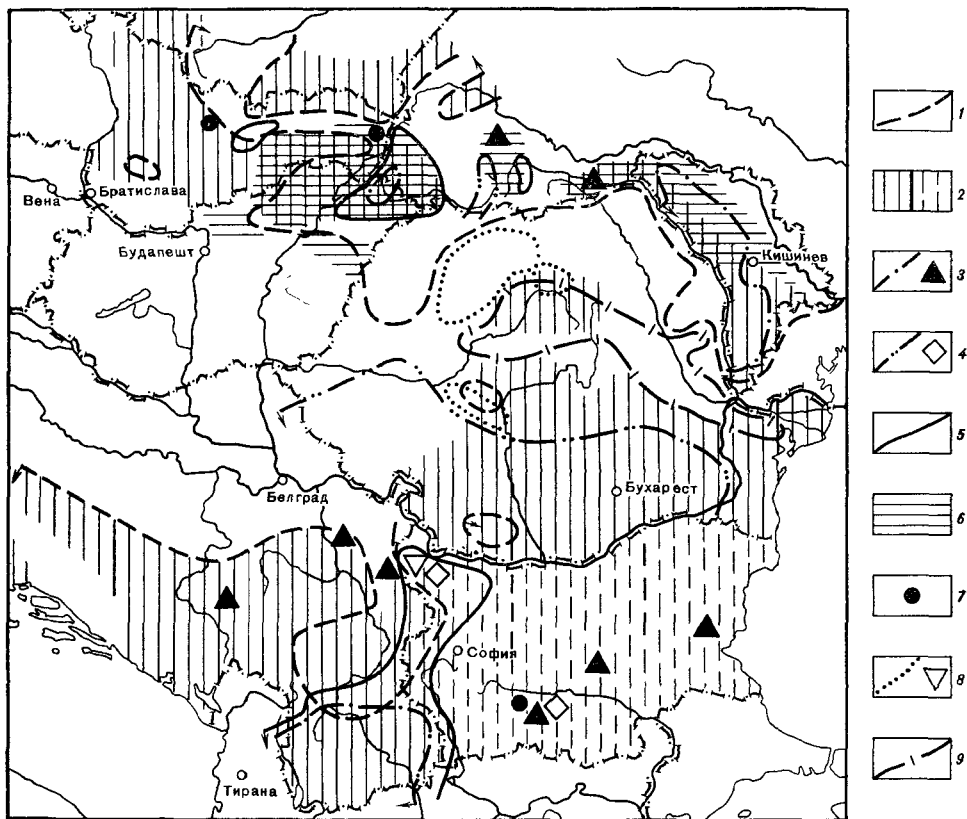
форме, звуки наносятся как рефлексы определенных праславянских фонем. На такой карте нет нужды определять функциональный статус звука, поскольку он не рассматривается в контексте системы. Тем не менее в комментариях к этим картам используются термины «фонема» и ее «аллофон» (например, пишется, что «рефлексом *ѣ является фонема *i*»). Совершенно очевидно, что в этих случаях под фонемой понимается звуко-тип. И это естественно. Наиболее информативно отражает фонетическую дифференциацию диалектов такая фонемная концепция, в рамках которой фонема в наименьшей степени абстрагирована от звука. Это — фонема как звук языка в понимании П. С. Кузнецова [21]. Конечно, возможны и другие подходы к фонемной интерпретации фонетики в ОЛА. Но при более абстрактных многоступенчатых построениях усложняется интерпретация звукового материала и появляется значительный разрыв между звучащей речью и ее фонематическим статусом. Затрудняется сопоставление диалектов. Тем более, что фонематический анализ в принципе может осуществляться в рамках разных фонологических концепций.

Проблема фонематической интерпретации фонетических фактов в ОЛА связана и с вопросом о том, достаточен ли материал картотеки ОЛА для моделирования фонологических систем отдельных говоров. Фонологическую информацию можно считать достаточной, если показана позиция максимального различия единицы, выявлены позиционные ограничения разного типа, определен статус единиц, выступающих в составе позиционно сокращенных наборов.

Проблема фонематической интерпретации фонетического материала ОЛА эксплицирована в фонологических описаниях отдельных говоров, включенных в сетку ОЛА. Опубликованы фонологические описания словенских, сербохорватских, македонских, польских, серболужицких говоров [22—24]. Составлены они по одной содержательной схеме: инвентарь, дистрибуция, происхождение современных единиц, т. е. их отношение к реконструируемой для каждого языка отдельно исходной системе.

Идея создания фонологических описаний говоров ОЛА возникла в связи с практической необходимостью интерпретации фонетических фактов при их картографировании. Ср.: «Только знание состояния, которое является результатом регулярного фонологического развития, позволяет (а) снять с лексико-словообразовательных и морфо-синтаксических карт ненужную фонологическую нагрузку и выявить случаи вторичной морфологизации и лексикализации фонетических явлений и (б) на фонетических и фонологических картах точно и последовательно представить ранг отдельных аллофонов» [23, 1, с. 7]. Однако в дальнейшем этим описаниям стало придаваться более чем прикладное значение. Они стали расцениваться как фонологическая диалектная типология соответствующих языков. Фонологические описания говоров, включенных в сетку ОЛА, показывают высокий уровень дифференциации одного языка. Например, 27 пунктов, включенных в 1-й выпуск польских описаний, демонстрируют 16 разных систем неносовых гласных [23, ч. 1, с. 118]. В говорах четырех серболужицких пунктов ни фонемный инвентарь, ни дистрибуция, ни акцентные отношения не совпадают [24, с. 21].

Стремление преодолеть дробную картину дифференциации славянского диалектного континуума, даваемую картами ОЛА на одну словоформу, породило идею обобщающих карт, где рефлексы праславянских фонем в своем развитии поставлены в системную связь с другими элементами

Условные обозначения: 1 — корб в мельнице; 2 — корзина, виды корзин; 3 — рыболовная снасть; 4 — (плетеный) дымоход; 5 — постройка (для кукурузных початков); 6 — кузов воза; 7 — улей; 8 — грудная клетка; 9 — наволочка.

фонетического строя диалектов. Проблема обобщающих карт в ОЛА обсуждалась в ряде статей [2, 25, 26]. Здесь можно напомнить, что в отличие от карт на отдельные словоформы, обобщающие карты по существу своему полихронны, хотя это и не эксплицируется. Ведь на плоскость карты наносятся факты, возникновение которых датируется разным временем (идея полихронии в лингвогеографии сформулирована Р. И. Аванесовым в [27]). Так, недифференцированное отношение к ударению характерно для развития *ѣ* в польских, многих украинских и части русских говоров³. Это нашло выражение в том, что **ѣ* подвергся одинаковым изменениям под ударением и без ударения. Но в польских говорах это произошло до падения редуцированных, в украинских — после падения слабых и прояснения сильных редуцированных. Это означает, что хронологическое расстояние между изменением **ѣ* в названных языках весьма значительно. Можно привести и другие примеры однотипных явлений, возникших в разных языках в разное время. Обобщающая карта может показать сходство и различие в развитии тождественных праславянских фонем с включением фактора времени. Но для картографической

³ Высказывается также мнение, что в западноукраинских говорах **ѣ* изменился непосредственно в *e* [28]. Однако это положение требует подтверждения на более широком материале, чем тот, который дает ОЛА.

передачи полихронии должны быть разработаны специальные приемы. Пока же этот вопрос лишь ставится, а на карте условно совмещаются явления, разделенные значительным временным промежутком.

Уже на начальных этапах картографирования фонетики в ОЛА просматриваются некоторые новые вопросы, касающиеся причинно-следственных отношений дифференцированного развития праславянских элементов. Если обратиться к картам рефлексов **ě*, **e* [26, 29], наиболее близким собственно звуковой реальности, то прежде всего обращает на себя внимание контраст между восточнославянской частью и западом территории Атласа. С одной стороны, единообразие развития **ě*, **e* в восточнославянских диалектах и крайняя пестрота в словенских, серболужицких, отчасти сербохорватских, — с другой. В чем причина этого? Ответ непрост и неясен. Несомненно, актуальность такого признака, как вокальное количество, может делать более пестрой рефлексацию праславянских гласных (ср. польское развитие **ě*, **e* в долгих слогах). Казалось бы, большая территория распространения языка, когда интенсивность общения между носителями определенных диалектов меньше, чем на небольшой территории, должна способствовать углублению и закреплению диалектных различий. Но это предположение не подтверждается — так, на месте **e* в восточнославянских диалектах представлен только гласный *a* (не учитываем факт его вторичного изменения в *e*), а в словенских — это *e*, *e*, *a*, *ə*, *i*, дифтонги, специфически распределенные по позициям и словам в каждом говоре; в серболужицких говорах на четыре пункта зафиксировано четыре типа рефлексации **e* и три типа — **ě*. Дробная рефлексация в принципе легче поддается объяснению, так как часто может быть мотивирована экстралингвистически (уровень междиалектных контактов в условиях билингвизма, специфика географического ландшафта и под.). Но труднее найти объяснение единообразию фонетической черты на очень большой территории. Видимо, здесь следует искать определенные стабилизирующие факторы структурного характера. Личь комплексное (синхронное и диахроническое) изучение фонетики в пределах славянского диалектного континуума, представленного в ОЛА, может внести ясность в вопросы такого рода.

3. К выводам, заставляющим по-новому взглянуть на некоторые устоявшиеся представления, подводит и опыт работы над ОКДА. Выясняется, например, что в формировании карпатской языковой общности роль венгерского языка более значительна, чем это принято считать. Поэтому традиционное мнение об исключительном значении восточнороманского этнолингвистического элемента может быть существенным образом скорректировано: по данным готовых выпусков Атласа, среди карпатизмов унгаризмы занимают видное место. При этом зафиксировано не только активное проникновение в диалекты ареала исконно венгерских лексем, но и локализация центра иррадиации многих карпатизмов иного происхождения именно в венгерском языковом пространстве. Наконец, многочисленны примеры того, что семантические карпатизмы представлены лишь в венгерских диалектах.

Другой новацией является наличие в материалах ОКДА фактов, которые позволяют изучать на синхронном уровне тенденции к «гомогенизации» карпатского лингвистического пространства и моделировать на лексико-семантическом уровне отдельные фазы трансформации с у м м ы генетически гетерогенных диалектов зоны Карпат в диалектный к о н т и н у у м (т. е. в совокупность ЧДС конвергентного типа, интенционально ориентированной на развитие «суперсегментных» отношений) и

далее — конституирование языковой общности, лексико-семантической *par excellence*.

Диахроническая интерпретация синхронно зафиксированных в Атласе данных позволяет выявить следующие, намечаемые в самом общем виде этапы формирования фрагментов лексико-семантической структуры в масштабах карпатского диалектного континуума.

1) Начальная стадия указанного процесса протекала, по-видимому, в ситуации, характеризующейся множественностью центров иррадиации лексико-семантических единиц и многократностью актов их заимствования (о «многочисленных перекрестных заимствованиях» в лексике этой зоны см. [30]). Важнейшими принципами, организующими карпатский словарь, становятся: тенденция к расширению межъязыковой (=междиалектной) синонимии (=гетерономия), когда в условиях интенсивной коммуникации обычными становятся отношения «одна металексема ∞ несколько реальных лексем» (максимально — в соответствии с числом языков ареала); образование пласта лексики, общего для диалектов ареала (или большей их части); тенденция к омонимизации лексем (=гетеросемия), т. е. расширение семантической амплитуды и усложнение семантической структуры лексем как в рамках всего континуума диалектов, так и в пределах отдельных ЧДС.

2) В дальнейшем в лексике диалектов континуума (или его фрагментов) складывается некоторое оптимальное (и достаточно стабильное) соотношение общего фонда эксклюзивных лексем различной этимологии и исторической судьбы и лексем, не обладающих статусом эксклюзивности. Это означает, что, подобно ситуации в балканском языковом союзе, действие конвергентных процессов было направлено на выработку не единого языка, но единой структуры [31]. В семантике для значительного числа лексем формируется максимальная семантическая амплитуда — т. е. полный набор семантических единиц, представляющих собой общую модель лексико-семантической структуры карпатского диалектного континуума (ср. также термин Н. И. Толстого — «наддиалектная сетка-модель» [32], на которую ориентированы все изменения, происходящие в структуре частных диалектных систем [31, с. 274]). Моделирование процесса формирования семантической структуры карпатского диалектного континуума может быть проиллюстрировано одним примером — диахроническим истолкованием материала карты № 54 1-го выпуска ОЖДА, посвященной семантике репрезентантов металексемы ⁺*kOš* (<слав. **košь*).

Развитие семантики **košь* в славянских диалектах карпатской зоны происходило, вероятно, прежде всего как развертывание во времени (и соответственно — в пространстве) исконных потенций. Ср. наличие в карпатской (и шире — карпато-балканской) зоне наряду с почти общеславянским значением «корзина; виды корзин» также иных, достаточно старых значений: «короб в мельнице» (вост.-слав., ю.-слав.), «вид рыболовной снасти, вентерь» (вост.-слав., серб.-хорв., болг. ⁴); «кузов воза» (вост.-слав., чешск., серб.-хорв., словен.), «улей» (русс., ю.-слав.); к позднее развившимся, по-видимому, относятся «плетеный дымоход» (карп.-укр., словц., болг.), «помещение для хранения початков» (карп.-укр., словц., ю.-слав.) и др. Можно указать и значения, отсутствующие, по данным ОЖДА, в зоне Карпат: «грудная клетка» (блр., чешск., словц.), «ловушка для птиц» (русс., польск., чешск., словц.) и др.

В неславянских диалектах карпатского ареала расширение семанти-

⁴ Болгарский материал взят из диалектных словарей и других работ.

ческого объема репрезентантов $^{+}kO\delta$ шло как за счет заимствований из славянского, ср. вост.-ром. *soř*, *koř*, венг. *kas*, алб. *kosh* «корзина, короб» и под., так, несомненно, и в процессе реализации общих тенденций семантического развития в ходе формирования языковой общности (ср., например: вост.-ром. *soř*, *koř*, венг. *kas* «дымоход», вост.-ром. *soř*, *koř*, венг. *kas*, алб. *kosh* «постройка для хранения початков» и под.).

Важно отметить и появление новых семем-локализмов как результат воздействия общей модели, определяющей направление семантических изменений, с одной стороны, и «самоиндукции» отдельных ЧДС — с другой.⁸ См., например: укр. диалект. *k'iš* «плетеный кузов т а ч к и», «плетеный и обмазанный глиной сосуд для зерна и под. в амбаре», словц. *kôš* «часть виноградного пресса», рум. диалект. *soř* «приспособление из бревен для укрепления берегов горной реки», «гроб», «верхняя часть сруба колодца» и т. д., венг. *kas* «ограда вокруг кучи навоза», «загон» и др.

Описание семантики $^{+}kO\delta$ в ОКДА позволяет не только фиксировать величину семантической амплитуды, но и констатировать, что отдельные семемы не распространены в лингвистическом пространстве карпатского ареала равномерно. Они существуют в виде концентраций, сгущений в нескольких микрizonaх; словацко-польско-украинское пограничье, южная часть Закарпатья и соседние районы в Венгрии и Румынии, север и юго-запад Молдавии, в балканском регионе — македонские говоры (см. карту «Семантика $^{+}kO\delta$ в диалектах карпато-балканского ареала»). Это может объясняться специфическими условиями межъязыковой и межэтнической коммуникации и вытекающей из этого интерференцией. Представляется принципиально важным рассматривать данные, зафиксированные в ОКДА, в контексте всей совокупности имеющихся в настоящее время фактов, которые содержатся в диалектологических трудах, словарях, памятниках письменности, в исследованиях по этнографии карпатской зоны и т. д.

4. Размышления над результатами достаточно длительного, но тем не менее остающегося начальным этапом работы над многоязыковыми атласами ОЛА и ОКДА подводят к некоторым выводам, относящимся к общим проблемам лингвогеографии.

При создании проектов многоязыковых атласов неоднократно подчеркивалось, что они не являются простой суммой национальных атласов, поскольку не все, что актуально для диалектной дифференциации одного языка, является релевантным для диалектного членения многоязыкового континуума; и наоборот — то, что стабильно в рамках одного языка, может быть компонентом диалектного различия в многоязыковом континууме [33]. Фактор большой языковой территории уже на предварительных этапах создания атласов подобного типа выполняет роль решающего аргумента в определении их фактической базы, производя селекцию подлежащих картографированию явлений.

Дальнейшее развертывание значения фактора большого языкового пространства показывает первые итоги работы над ОЛА и ОКДА, и при этом на фактах столь различных уровней, как фонетика и лексика. Объем информации, предлагаемый картами многоязыковых атласов, дает повод для нового взгляда на традиционно установившиеся характеристики. Получение таких, не программируемых заранее, результатов свидетельствует, что атласы указанного типа в общем контексте лингвогеографии — это не только количественно маркированные объекты. Многоязыковая территория как объект лингвогеографического изучения принципиально содержит возможности получения качественно новых представлений о соответствующем диалектном континууме.

Сосуществующие в синхронии разновременные явления могут быть подвергнуты картографированию с учетом фактора времени, что создает максимально адекватное представление о движении этих явлений во времени и пространстве. Именно такая задача лингвогеографии, как сказано выше, была сформулирована Р. И. Аванесовым. Одним из условий решения этой задачи является соотнесенность большого корпуса диалектных данных с большой территорией. Подобная комбинация характерна для многоязыковых атласов, создающих в принципе предпосылки для перехода лингвогеографии на тот уровень, для которого будет характерна возможность переформулировки «топо-изоглосс» в «хроно-топо-изоглоссы» [27, с. 314].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Zur Theorie des Dialektes. Wiesbaden, 1976.
2. Аванесов Р. И., Калынь Л. Э. Обобщающие карты как особый тип карт в Общеславянском лингвистическом атласе // ВЯ. 1983. № 4.
3. Калынь Л. Э. Опыт фонологического описания русского говора одного пункта, входящего в сетку ОЛА // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1983. М., 1988.
4. Общеславянский лингвистический атлас. Вступительный выпуск. М., 1978. С. 38.
5. Карпатский диалектологический атлас. М., 1967.
6. Аванесов Р. И. Общеславянский лингвистический атлас (1958—1978). Итоги и перспективы // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов: Докл. советской делегации. М., 1978.
7. Керић С., Тополинска З., Видоески Б. Интерпретация на фонетиска карта с проблемот *ѣ в *gvězda в Општословенскиот лингвистички атлас // Македонски јазик. 1977. XXVIII. № 1—2.
8. Общекарпатский диалектологический атлас. Вопросник. М., 1981.
9. Бернштейн С. Б., Клепикова Г. П. Общекарпатский диалектологический атлас. Принципы. Предварительные итоги // Славянское языкознание. VIII международный съезд славистов: Докл. советской делегации. М., 1978.
10. Общекарпатский диалектологический атлас. Вступительный выпуск. Скопье, 1988.
11. Общеславянский лингвистический атлас. Рефлексы *ѣ. Београд, 1988.
12. Общекарпатский диалектологический атлас. Вып. II. М., 1988.
13. Программа собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка. М.; Л., 1947.
14. Праграма на вывучэнню беларускіх гаворак і збіранню звестак для складання Дыялекталагічнага атласа беларускай мовы. Мінск, 1950.
15. Програма для збирання матеріалів до Діалектологічного атласу української мови. Київ, 1949.
16. Атлас української мови. Т. 1. Київ, 1984. №№ 1, 90.
17. Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951. С. 5.
18. Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961. С. 37.
19. Славянские языки. М., 1977. С. 5.
20. Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С. 298.
21. Кузнецов П. С. Об основных положениях фонологии // ВЯ. 1959. № 2. С. 31.
22. Fonološki opisi srpskohrvatskih (hrvatskosrpskih), slovenačkih i makedonskih govora, obuhvaćenih Opštოსlovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo, 1981.
23. Opisy fonologiczne polskich punktów Ogólnosłowiańskiego atlasu językowego; Topolińska Z. Zeszyt I, 1982; Basara A., Basara J. Zeszyt II, 1983; Zduńska H. Zeszyt III, 1984.
24. Michalk F., Sperber W. Wopisanje fonologiskich sistemov narěčow serbskich informaciskich dyptkow w Słowjanskim rěčnym atlasu // Lětopis Instituta za serbski ludospyt. Rjad A. C. 30/1. Budyšin, 1983.
25. Вендина Т. И., Калынь Л. Э. О принципах составления обобщающих фонетических карт // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1983. М., 1988.
26. Калынь Л. Э., Вендина Т. И. Опыт обобщающих фонетических карт в ОЛА // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1982. М., 1985.

27. *Аванесов Р. И.* Описательная диалектология и история языка // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов: Докл. советской делегации. М., 1963. С. 299.
28. *Пожарицкая С. К., Попова Т. В.* Влияние консонантного окружения на судьбу *ѣ в западно- и восточнославянских диалектах (по материалам ОЛА) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1983. М., 1988. С. 14.
29. *Basara A., Topolińska Z., Zduńska H.* Fonetyczne refleksy *ě we współczesnych dialektach słowiańskich // Z polskich studiów slawistycznych. Ser. VI. Warszawa, 1983. S. 25.
30. *Трубачев О. Н.* Лингвистическая география и этимологические исследования // ВЯ. 1959. № 1. С. 19.
31. *Цивьян Т. В.* Синтаксическая структура балканского языкового союза. М., 1979. С. 266.
32. *Толстой Н. И.* Из опытов типологического исследования славянского словарного состава // ВЯ. 1963. № 1.
33. *Аванесов Р. И., Бернштейн С. Б.* Лингвистическая география и структура языка. О принципах Общеславянского лингвистического атласа. М., 1958. С. 14.